

ПОСЛАНИЯ МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА:
ИСТОРИЯ ТЕКСТА АВТОРСКОГО СОБРАНИЯ¹

Основная часть рукописного наследия Московского митрополита Даниила сохранилась в составе «Сборника» (16 Слов) и сборниках посланий. Одна группа посланий представлена рукописью РНБ. Q. I. 1439. Втор. пол. XVI в., включившей в себя 26 сочинений писателя [Дружинин]. Другая (14 Посланий²) — тремя рукописями, находящимися в РНБ: Софийское собр. № 1456. 50–60-е годы XVI в. 112 л. (далее — Соф. 1456); Софийское собр. № 1281. 60-е годы XVI в. Л. 221–358 (далее — Соф. 1281); собр. М. П. Погодина. № 1149. 80-е годы XVI в. Л. 1–217 (далее — Погод. 1149). Устойчивый состав, последовательность статей, единообразие оформления текстов сохранены во всех трех сборниках. Это наблюдение позволяет считать, что формирование свода эпистолярных сочинений было задумано самим Даниилом в виде авторского собрания. На процесс складывания кодекса указывает появление заголовков статей, тогда как первоначальные варианты писем открываются, как правило, прескриптом³. Кроме того, характерной чертой надписаний текстов митрополита стали двойное обозначение жанров — «Послание... Слово» — и нумерация глав. Именованное «Слово» в собрании Даниила — признак внешней систематизации рукописного материала.

В. Жмакин считал, что послания архиерея не поддаются какой-либо систематизации: «Порядок, в каком они следуют, основан на простой случайности и не подчинен какой-либо идее» [Жмакин, с. 649]. Но мотивный анализ сочинений позволил определить ведущие тенденции в складывании свода публицистических писем писателя и представить его в виде единого собрания. Так, в нем выделяются два инвариантных сюжета, выстроенных в линейной композиции: о монашеской жизни (повествование о соблюдении монастырского устава, об устройстве монастырей приводит к созданию иконического образа монашества) и целомудрии (осуждение прелюбодеяния и блуда, размышления о целомудрии формируют индексальный образ нравственной чистоты как в иноческой, так и в мирской жизни).

Послания обращены к двум типам адресатов: иночествующему лицу и некоей светской знатной особе. Имя автора присутствует только в названии первого текста собрания: «Послание грѣшнаго и худаго инока Данила, милостию Божию митрополита всеа Русии, в Володимерь, въ обитель святого чудотворца Николы на Волосово... Слово 1» (Погод. 1149. Л. 1)⁴. Оно как бы покрывает весь комплекс посланий в своде, и все последующие сочинения начинаются с местоименного указателя: «Того же», который связывает их в единый свод. Авторизованное первое послание играет организующую роль в кодификационной системе сборника. Изучение структуры посланий позволило установить закономерности в организации собрания сочинений московского митрополита [Журова, 2016, с. 31–34].

Цель настоящей статьи — на основе результатов текстологического анализа всех трех списков четырнадцати посланий Даниила представить этапы складывания авторского кодекса, развитие замысла и особенности творческой лаборатории писателя. Задача состоит не только в том, чтобы определить протограф, описать генеалогические отношения между списками, но

¹ Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 15-04-00503/17-ОГОН.

² Написание с заглавной буквы обусловлено авторским названием сочинений в сборниках. Для удобства изложения текстологического анализа главы сборников именуется по их нумерации в эпистолярном своде. Названия посланий приведены в приложении к статье по списку РНБ. Собр. Погодина. № 1149.

³ Об этой традиции свидетельствует история посланий Максима Грека [Синицына, с. 53; Булаин, с. 117–123; Журова, 2008, с. 488].

⁴ Далее тексты посланий цитируются по этой рукописи, листы указаны в круглых скобках.

и в том, чтобы понять авторскую интенцию, описать читательское восприятие. При условии создания писателем собственного собрания, писал Д. С. Лихачев, «отношение автора к своему тексту бывает более свободным и творческим, отношение же редактора более скованным...» [Лихачев, с. 281]. Особенности прочтения и понимания книжниками сочинений писателя определяем по рукописной традиции, с помощью которой описываются процессы трансформации и реинтерпретации, составляющие существо рецепции [Живов, с. 608–610].

В истории изучения эпистолярного наследия Даниила больше внимания исследователями уделено рукописи Соф. 1281. Так, В. Жмакин опубликовал два первых послания Даниила именно по этому списку. Интерес к ней обусловлен, конечно, именем Сильвестра, которому принадлежала рукопись, и вообще интересом к личности священника Благовещенского собора, общественного деятеля эпохи Ивана IV и известного книжника [Буланин, Колесов; Курукин, с. 78–107; Сапожникова, с. 28–38].

Сборник Соф. 1281 состоит из двух частей, представляющих собой отдельные рукописи, и трех статей, происхождение которых связывают с творчеством Сильвестра [Сиренов, с. 78.]. В первой части рукописи (л. 1–218) помещены 16 известных поучений митрополита Фотия, во второй (л. 221–358) – 13 посланий митрополита Даниила и отрывок из четырнадцатого послания. Бумага, на которой переписаны послания Даниила, практически из одной партии, тетради пронумерованы (1–18), датировка филиграни – сердце с тремя бубенчиками – пока не определена, но близкий к ней водяной знак – сердце с короной – соответствует Брике, № 4319 – 1561 г. Единственная филигрань (л. 267), которая точно датируется, – сфера с цветком: Лихачев, № 2903, 2904 – 1555–1559 г. То есть рукопись относится к 60-м годам XVI в. Внешне она производит впечатление чистового варианта: писана на бумаге в лист одним почерком, ровным полууставом; киноварные заголовки и инициалы оформлены единообразно; поля ровные, широкие. Три небольшие правки (вставки пропущенных фраз на полях л. 251 об., 301 и 353 об.) сделаны рукой основного писца с некоторым изменением начерков букв, вызванных, как правило, характером маргинальной записи. Но текст посланий Даниила в Соф. 1281 следует признать неисправным из-за множества писцовых ошибок.

В составе другого сборника Софийского собрания, Соф. 1456, сохранились те же 13 посланий Даниила и тот же отрывок из 14-го послания, но он поврежден из-за дефекта последнего листа рукописи, утратившей нижнюю крышку переплета⁵. Три филиграни: сфера (Брике, № 13995 – 1550 г., № 13996 – 1553–1555 г., № 13999 – 1553 г.), сфера с литерами ИВ (Брике, № 14056 – 1448–1552 г.), кувшин с цветком (Брике, № 12897 – 1552 г., № 12900 – 1553 г., Лихачев, № 1764 – 1555 г., № 1765 – 1555 г., № 1779 – 1556 г.) [Сиренов, с. 81] – позволяют определить время составления рукописи: 50-е годы XVI в. То есть оба софийских списка посланий Даниила близки по времени их создания.

Рукопись Соф. 1456 очень своеобразна. Кодикологическое описание и драматичная история очень хорошо изложены А. В. Сиреновым при изучении трех посланий, приписываемых Сильвестру [Сиренов, с. 81–82]. Состав Соф. 1456 полностью соответствует второй части сборника Соф. 1281, где помещены послания Даниила. Тексты Соф. 1456 переписаны полууставом разных почерков, писцы неоднократно сменялись и правили друг друга. Киноварные заголовки и инициалы вставлялись на этапе оформления рукописи, когда она, видимо, была переплетена: сохранились отпечатки невысохших чернил (например, л. 5); некоторые названия, не вместились в строке, дописаны на полях (например, л. 22 об.) и т. д.

Самой примечательной особенностью сборника являются следы работы нескольких книжников. Наблюдения над чередованием почерков (мелкий убористый, крупный размашистый, прямой или наклонный) указывают на организацию работы писцов. Почерк может смениться

⁵ Как точно заметил А. В. Сиренов, рукопись была расформирована П. Строевым.

на одном листе (например, л. 4 об.), смена отмечена писцовыми знаками (например, л. 53); но чаще всего новый почерк начинается с листа (на л. 7 об., 9 видим один почерк, на л. 8—8 об. — другой) или с тетради (л. 32, тетрадь 6). Одной рукой может быть переписано все послание или только фрагмент (л. 4 об., 13 и др.), поэтому появились листы с оставленными чистыми строками (л. 8 об., 15 об.). Смену писцов отмечаем далее на л. 64, 88, 95, 96, 103, 109 и др. Первая и последняя тетради рукописи переписаны одним почерком, вторая тетрадь — несколькими. Количество строк на листе может быть разным (л. 7 об. — 24 строки, л. 8—26 строк, л. 23—25 строк и т. д.). Рукопись содержит многочисленную правку как рукой основного писца, так и почерками других книжников этой же мастерской (например, л. 20 об., 68—69 об., 82 об. и т. д.), и в строке, и вынесенную на поле. Вставки, сделанные рукой неосновного писца данного текста, отмечены киноварными знаками, а пропуски основного писца отмечены знаками, писанными черными чернилами. При переплете рукописи перепутаны тетради, так, большой фрагмент Послания 13 (объемом в четыре тетради, с 13-й по 16-ю по чернильной сигнатуре, с 10-й по 13-ю по киноварной сигнатуре) оказался не на своем месте. Сигнатуры, как заметил А. В. Сиренов, не отражают структуру сборника [Сиренов, с. 82].

Большая часть названий в Соф. 1456 расположена на специально оставленных для них местах, но заголовки Посланий 9 (л. 54 об.), 11 (л. 58 об.), 12 (л. 60) вписаны в окончание строки предыдущего текста. Обширное Послание 13 считается 12-м. Совершенно очевидно, что работа велась быстрыми темпами и книжники старались исправить ошибки, возникшие при такой поспешности. Внешне рукопись производит впечатление чернового варианта. Несомненно, над ней работали писцы одной книгописной мастерской⁶, соблюдавшие корпоративные правила организации труда, и результатом его стало создание текста, достаточно квалифицированно передавшего протограф свода посланий митрополита Даниила. В. Жмакин отметил исправность текста рукописи Соф. 1456 [Жмакин, с. 266—267], хотя при публикации первых двух посланий отдал предпочтение списку Соф. 1281. На основе кодикологического анализа А. В. Сиренов установил, что рукопись Соф. 1456 была «непосредственным протографом второй части Сильвестровского сборника... и хранилась в XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре» [Сиренов, с. 82]. Убедительный вывод А. В. Сиренова полностью подтверждается данными текстологического анализа, позволяющего считать Соф. 1456 антиграфом Соф. 1281.

Сборник Погод. 1149 по филиграммам датируется 80-ми годами XVI в.: кувшин (Лихачев, № 1931 — 1577 г., № 1932 — 1577 г., № 3120 — 1568 г.); рука с фестонами (Брике, № 11447 — 1571 г., № 11446 — 1571—1576 г.). На нижнем поле л. 1—2 сделана владельческая запись рукой, не принадлежащей писцам данного сборника: «якимовская анхимандрита». Вероятно, речь идет об архимандрите Новоспасского монастыря в Москве Иоакиме (1584 г.) [Строев, стб. 143], которому могла принадлежать книга.

Рукопись писана полууставом трех почерков, сменяющихся по тетрадям (тетради 1—11, 12—21, 22—27), заголовки киноварные, поля не всегда ровные, качество чернил и отточенность пера оставляют желать лучшего. В целом она производит впечатление кустарной работы. Единичная правка состоит из вставок глоссы (л. 24), слова (л. 87), фразы (л. 134). Но главное достоинство рукописи: она сохранила текст посланий Даниила полным и исправным. В составе сборника Погод. 1149, кроме сочинений митрополита, находятся «Ответы христиан агарянам» Максима Грека (л. 217—221 об.) и «Повесть о царице Динаре» (л. 221 об.—223).

В истории текста эпистолярного собрания Даниила выделяется рукописная судьба первой и последней глав авторского собрания, она оказалась намного выразительнее, интереснее и сложнее рукописной традиции других посланий. Изложение текстологии рукописного наследия

⁶ Например, для всех почерков характерно написание «д» на дугообразных ножках; кстати, такой же тип «д» находим во владельческих записях Сильвестра [Сапожникова, с. 35, ил. 6].

московского митрополита целесообразно начать с анализа Посланий 2–13, результаты которого позволили определить довольно однородную и устойчивую систему отношений списков.

Безусловно, Соф. 1281 является копией Соф. 1456, но копией неудачной. Главный недостаток первого списка — очень большое число ошибок. Причины их происхождения: невнимательность писца и его неумение прочесть антиграф. Так, он неверно раскрывает слова под титлом: «благолюбець» вместо «боголюбець», «церковном» вместо «царском», «братство» вместо «богатство» и др. Допускает путаницу в написании букв: «и како» вместо «инако», «имы» вместо «имъ», «въкрацѣ» вместо «въ зрацѣ», «ложе несиверно» вместо «ложе нескверно», «по нозѣ» вместо «по Бозѣ», «ина учитель» вместо «и научитесь», «что есть» вместо «чистое» и др. У него появились вовсе несуразные чтения: «веклие» вместо «веселие», «може Иоан безумиа нашего» вместо «мы же от безумиа нашего», «мѣстших» вместо «мѣст наших», «мытсвм» вместо «мытем» и др. Примером порождения ошибки может служить следующее чтение: в Соф. 1456 в словосочетании «студа его» буква «е» вписана в строку бледными чернилами почерком неосновного писца, составитель Соф. 1281, видимо, ее не разглядел, и так у него появилось чтение «студаго». Совершенно очевидно, что существует непосредственная связь между графикой Соф. 1456 и написанием в Соф. 1281, своеобразии почерков первого было не понято писцом второго.

Текст Соф. 1281 не вычитан редактором рукописи, нет исправлений самых элементарных ошибок, писец даже не вдумывался в то, что он писал. Не обнаружено каких-либо следов читательского восприятия (глосс, маргиналий). Вероятно, и владелец рукописи Сильвестр текст не смотрел, иначе, как опытный книжник, он не мог не заметить очевидные погрешности. Удивительной оказывается единственная правка, сделанная выразительным и специфическим почерком неосновного писца на л. 268 об. Она приходится на цитату из ответа Александра Македонского на предложение «пояти лѣпотную красоту» некоей женщины, которую он увидел в храме (Послание 6 «Поучение об иноческой и супружной жизни», правка подчеркнута): «О како не зло есть и зѣло срама достойно, еже работати видѣнию, имже повелено есть инѣх (буква х—надстрочная вписана) челоуѣкъ, иже творящих таковая (слово вписано над строкой), мучити, и како сиа сами дрѣзнемъ (буквы емъ вписаны по стертому -ет), сътворити...».

Кроме писцовых ошибок, в результате коллажи трех списков обнаруживаются многочисленные пропуски в Соф. 1281. Например:

<i>Соф. 1281</i>	<i>Соф. 1456, Погод. 1149</i>
Тѣмже учай, да учит с любовию и независто, не точию любящая, рече бо Господь... (Мф 5: 46) (л. 225 об., Послание 2)	Тѣмже учай, да учит с любовию и независто, не точию любящая Его, но и ненавидяща Его и обидяща, рече бо Господь... (Погод. 1149, л. 9 об.); Тѣмже учай, да учит с любовию и независто, не точию любящая Его и обидяща, рече бо Господь... (Соф. 1456, л. 5 об.)
предание святых (л. 231 об., Послание 5)	предание святых отецъ (Соф. 1456, л. 9 об.; Погод. 1149, л. 17 об.)
Ово убо поучением изящным дѣлъ благаго закона (л. 250 об., Послание 6)	Ово убо поучением душеполезных словесъ, ово же убо учением изящным дѣлъ благаго закона (Соф. 1456, л. 23 об.; Погод. 1149, л. 43)
сие обещае на святѣм крещении (л. 251 об., Послание 6)	сие обѣщание, еже обещае на святѣм крещении (Соф. 1456, л. 24 об., Погод. 1149, л. 44 об.)
да иматъ же и жена мужю (л. 254 об., Послание 6)	да иматъ женѣ мужь должную любовь, да воздасть, тако же и жена мужю (Соф. 1456, л. 26 об.; Погод. 1149, л. 48 об.)
тряпяще в молчании и нестяжании (л. 48 об., Послание 7) и др.	тряпяще всяку скорбь Царства ради Небеснаго, живуще в молчании и нестяжании (Соф. 1456, л. 95; Погод. 1149, л. 281 об.)

Несмотря на то что Соф. 1456 исправнее Соф. 1281, он все-таки не лишен собственных ошибок, и все они повторились в Соф. 1281. В первую очередь это пропуски (большинство примеров приходится на цитаты из прецедентных текстов), в том числе и гаплография:

Соф. 1456, Соф. 1281

Погод. 1149

иному рекшу, несмирении же возносящесе добръ шествовати имут (Соф. 1456, л. 20 об.; Соф. 1281, л. 246 об., Послание 5)

иному рекшу, несмирении же возносящесе волею плотскою и вѣрующе своему разуму, надѣющеся добръ шествовати имут (л. 37)

ничто же тебѣ от бѣгства единого видимаго мира къ свершению Божию прибудет (Соф. 1456, л. 18 об.; Соф. 1281, л. 243 об., Послание 5)

ничто же тебѣ от бѣгства единого видимаго мира къ свершению добродѣтели и совокуплению Божию прибудет (л. 33)

сохрани же молчание, утужение (Соф. 1456, л. 18; Соф. 1281, л. 242 об., Послание 5)

съхрани же молчание и еже от всѣх освѣнятися, еже есть истинное утужение (л. 32)

дѣва не посягшия печетца о мирских, како угодити мужу (Соф. 1456, л. 27; Соф. 1281, л. 255, Послание 6)

дѣва не посягшия печетца о Господних, да есть свята и тѣлом и духомъ, а посягшия печетца о мирских, како угодити мужу (л. 49–49 об.)

еретическыя кощюны и басни, сирѣчь, учения и предания (Соф. 1456, л. 24 об.; Соф. 1281, л. 251 об., Послание 6)

еретическия кощюны и басни, сирѣчь, прелестное пагубное их учения и предания (л. 44)

повелѣлъ ми еси о сем хощеши духовный законъ (Соф. 1456, л. 60 об., Соф. 1281, л. 296, Послание 12)

повелѣлъ ми еси о сем писати ми тебѣ. Тѣм же аще хощеши духовный законъ (л. 124 об.–125)

и страх имѣти от обѣщание наше (Соф. 1456, л. 62; Соф. 1281, л. 298, Послание 13)

и страх имѣти Божии выну пред очима и поминати обѣщание наше (л. 129)

и др.

Происхождение лексических разночтений тоже можно объяснить невнимательностью писцов софийских списков. Например, в Послании 5 «О различии иноческого жития: общего и пустынного» находим целую серию подобных примеров:

Соф. 1456, Соф. 1281

Погод. 1149

Да возвеселимся о Господи да миръ духовным (Соф. 1456, л. 14 об.; Соф. 1281, л. 238 об.)

Да возвеселимся о Господи дарми духовными (л. 26 об.)

Тѣмъ же сидне кто толкуя, рече... (Соф. 1456, л. 15; Соф. 1281, л. 238 об.)

Тѣмъ же сиа нѣкто толкуя, рече... (л. 26 об.)

Егда же явно не смѣют отгомгнути (так в рукописи) кого от общего жития (Соф. 1456, л. 16; Соф. 1281, л. 240)

Егда же явно не смѣют к себѣ оттрѣгнути, кого от общего жития (л. 28 об.)

В Послании 4 ошибочное чтение «свонное видѣние» имеют софийские списки вместо «сонное видѣние», которое содержит Погод. 1149. Писцовых ошибок в последнем крайне мало, например, в Послании 5: «и самых и измѣнитесе страстей» (л. 27 об.) вместо «и самых и измѣтесе страстей» (Соф. 1465, л. 15 об.; Соф. 1281, л. 239), отметим гаплографию в Погод. 1149 (выделено курсивом): «и которое, реклъ еси, о сих удобнее ко спасению. *Ино ты, любимиче, сам вѣдаешь, что удобнее ко спасению, еже жити по воли Божии*» (Послание 5, л. 24).

Но тем не менее Погод. 1149 представляет исправный текст посланий Даниила. Кроме того, в этом списке содержатся оригинальные чтения, которые можно квалифицировать как авторскую редактуру. Так, полемизируя в Послании 5 с «некими», которые «безстудне глаголють», что в борьбе со страстями не обязательно искать уединенных мест, а просто не стоит покоряться нраву, Даниил утверждает, что «мѣсто бо и нрав украшает, *и обычаи добръ съдѣвает*, и многу к добродѣтели и умилению крѣпость подавает» (л. 26 об.) Появившаяся вставка в Погод. 1149 (выделена курсивом) добавляет еще один аргумент в систему доказательств проповедника. В другой фразе этого же сочинения в наставление инокам, соблюдающим тихое житие, уединение в молитвах, чтение Божественного Писания, поучение, в Погод. 1149 включено: «и рукоделие»

(л. 34). Во многих своих сочинениях Даниил обращал внимание на труд как вид послушания в жизни монаха.

Но самое важное, в Погод. 1149 обнаруживаются и новые варианты чтений, например, в Послании 5: вместо «по воли Божии» (Соф. 1456, л. 22; Соф. 1281, л. 248 об.) — «по воли Бога Отца Вседержителя» (л. 40).

В Послании 12 «О целомудренном и благоговейном житии» вставка, на первый взгляд, как бы разрывает описание портрета, но на самом деле Даниил пояснил, что «сухота телеси» не есть изнеможение (вставка выделена курсивом):

Соф. 1456, Соф. 1281

любити же и лица бледость, и сухоту телесе, и долу имѣти очи, и преклоненую выю (Соф. 1456, л. 60 об., Соф. 1281, л. 296 об.)

Погод. 1149

любити же и лица бледость, и сухоту телесе, *и в болѣзнях не изнемогати, и в немощех не оскорблятися, но вся благодаря Христа Бога терпѣти с тихостию, и кротостию, и съ смиренемъ* и долу имѣти очи, и преклоненую выю (л. 125–125 об.)

В другой раз проповедник, рассуждая о сохранении обещаний во святом крещении (Послание 13 «О целомудрии и чистоте»), поясняет положение мирского человека:

Соф. 1456, Соф. 1281

Но точию мира... не обещевается отрещися, и яже заповеди Христовы обещаетя на крещении и стязуетя сохранити всякъ человекъ (Соф. 1456, л. 62; Соф. 1281, л. 298 об.)

Погод. 1149

Но точию мира... не обещевается отрещися, *яко не мощно есть мирянину человекъ, в житейских живущу, отрещися сих, но заповеди Христовы, и яже обѣщася* на крещении, и стязуетя съхранити всякъ человекъ (л. 129 об.)

Таким образом, список Погод. 1149 отличается точными чтениями, полным исправным текстом, дополнениями, отражающими редакторскую работу автора. На основании текстологических данных можно сделать вывод о существовании двух протографов посланий Даниила. К одному восходят софийские списки, отразившие Первоначальный вариант текста, к другому — погодинский, передавший Распространенный вариант.

История текста первого послания собрания сохраняет вектор развития рукописной традиции авторского текста, но переводит ее этапы на новый уровень. Первое послание, занявшее сильную позицию начала эпистолярного свода Даниила, существует в двух редакциях. Оно направлено игумену Никольского Владимирского монастыря Пафнутию: «Послание грѣшнаго и худаго инока Данила, милостию Божию митрополита всеа Руси, в Володимерь, въ обитель святого чудотворца Николы на Волосово въ общии монастырь митрополии всеа Руси, игумену Пафнутию и съ братиею о благочинии и крѣпости монастырьскаго устава. Слово 1». Открывается оно прескриптом: «Благословение грѣшнаго и худаго инока Данила, милостию Божию митрополита всеа Руси, в Володимерь въ общии нашъ монастырь на Волосово, великого чудотворца Николы, игумену Пафнутию съ братиею» (л. 1). Совершенно очевидно, что заголовок, дословно повторивший этикетное вступление к посланию, составлен под непосредственным влиянием внешнего адреса. В первоначальном виде, очевидно, сочинение названия не имело.

Обращение митрополита к настоятелю Никольского монастыря вызвано сообщениями о нарушениях порядка иноческой жизни в общежительной обители, которые стали ему известны из письма самих монахов: «Восприяхомъ любовное ваше писание, и благоразумиа, и вѣры исполненное» (л. 1). Выполняя свой пастырский долг, Даниил составил свод нормативных правил для общежительного монастыря (не без влияния Духовной грамоты Иосифа Волоцкого [Жмакин, с. 690]). Видимо, эта цель подвигла митрополита к тщательной работе над программным посланием и привела к созданию двух редакций текста, одна из которых сохранилась в софийских списках, другая — в погодинском.

В. Жмакин, подготавливая публикацию этого послания, выделил краткую (Соф. 1281) и

обширную редакцию (Погод. 1149), причем отдал предпочтение краткой: «Краткая редакция послания характеризует Даниила более строгим, требовательным пастырем, чем каким он является в обширной редакции послания. Очевидно, сокращение сделано тенденциозное, с известной заранее поставленной идеей. Разность между редакциями послания состоит в пропуске тех, находящихся в обширной редакции мест, в которых Даниил распространяется о любви, как руководителем начале исправления нравственно слабых монахов» [Жмакин, с. 676]. Результаты проведенного нами текстологического анализа позволяют пересмотреть оценку историка.

Начинает Даниил свое послание с обращения к адресатам, которых он называет своими «искренними возлюбленными духовными подвижниками», и мотивации: «ищуще отъ мене, недостойнаго и окаяннаго инока Данила, пользующая къ спасению душамъ» (л. 1). Осуждение сребролюбия — пожертвования христиан пресвитеры и дьяконы Никольского монастыря присваивали себе — основная тема сочинения. Насколько тщательно работал автор над своим текстом, видно уже из первых примеров:

Соф. 1456, Соф. 1281

Глаголь же писаниа вашего сицевъ есть, что дѣи у вас не по обычаю общаго монастыря прозвитеры и диаконы емлютъ по рукамъ милостыню, лихоимству радующеся, а монастырскыи устав разоряюще (Соф. 1456, л. 1; Соф. 1281, л. 221 об.)

Погод. 1149

Глаголь же сицевъ писаниа вашего есть, яко въ обитель приношение от христороубцевъ не по обычаю общаго монастыря прозвитеры и диаконы емлюще себѣ монастырскую милостыню, лихоимству радующеся, монастырскыи уставъ разоряюще (л. 1 об.)

Частица «дѣи» во фразе софійских списков указывает на чужую речь с оттенком недоверия, сомнения, что свойственно начальному варианту текста. В Погод. 1149 интонация речи повествователя становится утверждающей. Появившийся синонимический ряд («приношение от христороубцевъ», «монастырская милостыня») служит для отягчения вины монахов. Причастие «емлюще себе», заменившее глагол, встраивается в стилистику описания нравственного портрета священнослужителей («лихоимству радующеся», «уставъ разоряюще»). Дополнение «себе», сменившее выразительное «по рукамъ» («емлютъ по рукамъ»), придает высказыванию более общий смысл. В целом новая редакция фразы усиливает обличительные мотивы.

И далее ряд вставок (выделены курсивом) отличает Погод. 1149 от софійских списков. Обратим внимание, что советы своим адресатам Даниил сначала изложил в сослагательном наклонении (софійские списки), передающем доброжелательный настрой автора, а затем в Распространенной редакции перевел в повелительную форму, что, безусловно, свидетельствует о тенденциозной смене тона повествования:

Соф. 1456, Соф. 1281

покоили бы есте всѣх безхитростно по писанному... (Мф 19:19) да и приказывали бы есте старцем... (Соф. 1456, л. 1 об.; Соф. 1281, л. 221 об.)

Погод. 1149

покоили бы есте всѣх безхитростно по писанному... (Мф 19:19). *И священникомъ, что идетъ, то ихъ есть, въ томъ ихъ не обидите, обидяи бо священника Бога обидитъ, и бесчествуяи священника — Бога бесчествуетъ, и оклеветаяи настоящаго, рече Великии Василие, оклеветает Бога и судит Бога, Ихже суд страшень есть; внимаите себѣ, и не досажайте, и не лихоимствуите, и приказывайте старцем...* (л. 2)

Как видим, вместо «приказывали бы» в Погод. 1149 появляется «приказывайте», которое стилистически согласуется с встроенным текстом: «внимаите... не досажайте... не лихоимствуите». Появившаяся вставка о почитании священников предваряет наставление о том, чтобы достойные старцы (названы имена) стояли у аналоя, оберегая монастырские доходы, выполняя обязанности «не лукавно, без хитрости, да бы кто не погибъ ни въ сии вѣк, ни в будущи» (л. 2). И далее изложение Погод. 1149 продолжается еще одной вставкой: «И яко подобаетъ всею силою

монастырь хранить, да не наполнится обычаевъ злыхъ и лукавства, всѣхъ възбраняите от лукавства и пронырства, и лихоимства» (л. 2—2 об.). Назидательная, а не просительная речь отличает повествование в Распространенной редакции, и число наставлений в ней увеличено, такой квантитативный показатель характерен для развития замысла Даниила.

Все эти содержательные, смысловые вставки суть новый текст в Погод. 1149, а не сокращения в софийских списках, как полагал В. Жмакин. Налицо намеренное редактирование послания с целью расширения аргументации в учительной речи проповедника. Уверенно можно говорить о новой редакции, отразившейся в погодинском списке. Еще одним доказательством и примером практики целенаправленного редактирования текста Даниилом служит следующий пассаж:

Соф. 1456

А все бы у вас в монастырь было брежно и благочинно, а бесчинствующим бы есте не попущали,

но обличали бы есте их предъ всѣми не просто же, но съ яростию,

да же и прочии страхъ имуть.

Понеже ненавидимо есть на мнозѣ еже по Бозѣ (л. 223 об.)

Погод. 1149

А все бы у вас в монастырь было брежно и благочинно, а бесчинствующимъ не попущайте, но поучайте, и наказуйте, и милуйте ихъ с тихостию, и кротостию, и любовью, а не лютостию, ни свирѣпствомъ; и дващи, и трищи, и множицею съ долготерпѣниемъ и пожданиемъ, зла за зло не воздающе, но вся Господа Бога ради съ долготерпѣниемъ творяще и съ милостию. Аще ли непослушное имѣютъ и по многомъ наказании, и молении, и милосердии, и долготерпѣнии въ исправление не приходятъ, и съблазнъ и обычаи лукавъ многимъ бывають, и благочиние монастырское въ смущение, и в попрание, и в разорение творят, не попущайте имъ, но обличайте ихъ предо всѣми съ Божиею любовию и милостию, да убоявшиеся и усрамившиеся, уцѣломудрятся и покаются. Сего бо наипаче хоцетъ Господь Богъ от всѣхъ нас, да обратимся и, умилвишиися, и покаемся. Аще ли еще въ благочиние и в разумъ истиннии не приходятъ, обличайте ихъ предо всѣми не просто же, но с праведною святою яростию, и божественною ревностию, а не бѣсовскимъ лукавствомъ, и враждою и себе отмщениемъ, да же и прочии страхъ имуть, и уцѣломудрятся и благочинѣствуютъ. Обративъшихъ же ся и умилвишихся, и кающихся с радостию примати; необратившихъ же ся възскуите, призывайте, врачуите, утѣшайте, покоите. Тако же и отбѣгающимъ мнихомъ от монастыря творите, възскуите, възвращайте, врачуите, милуйте, утѣшайте, покоите, яко же божественнаа правила повелѣваютъ и прочая Божественнаа Писания и законъ. Но понеже ненавидимо есть на мнозѣ еже по Бозѣ (л. 5—6)

Обратим внимание на две небольшие правки в этом же отрывке: на поле рукописи под киноварным знаком вставки почерком неосновного писца вписаны слова (подчеркнуто) «и пожданием», «врачуите», что свидетельствует о сверке списка Погод. 1149 с антиграфом Распространенной редакции. В Первоначальной редакции, как видим, основной и единственный мотив — поучение: «бесчинствующим бы не попущали, но обличали... с яростию» в назидание другим. В Распространенной редакции Даниил ввел мотив милосердия. Содержанием обширной вставки стали советы пастыря, сложившиеся в целую программу действий, которые необходимы для исправления «бесчинствующих»: наказывать и миловать с кротостью и любовью, обличать с «праведною яростию», но без вражды и отмщения. Эта тема — наказания и милости — звучит во многих сочинениях Даниила. Так, в Послании в свой родной Иосифо-Волоколамский монастырь «Об иноческом законе и правиле общего жития» (Послание 7) митрополит пишет о кротости, милости, послушании, «пождании и долготерпении», о том, чтобы «зла за зло не воздающе»,

как качествах, которые позволяют сказать: «Се суть истиннии иноцы, иже тако Христа ради на земли пожиша, се суть небеснии гражане» (л. 80).

О двух видах спасительных речей пишет Даниил, рассуждая об исцелении падших и прельщенных душ в девятом Слове «Сборника» «Не судите, да не судимы будете»: «обратим прельщенных овѣхъ сладостными словесы и сладостнѣишими бесѣдами, и тихими, и мягкими врачевани... овѣхъ же свѣрѣпо, и страшно, и жестоко противу недугу врачевание приносити»⁷, но при этом милость и человеколюбие, оговаривает митрополит, надо всегда хранить в сердце. Вот о таких «врачеваниях» — мягких и жестких, но в душе милостивых — распространяется митрополит в Погод. 1149. Как видим, автор наполняет свой текст советами об исправлении нравов в монастыре: поучение и наказание, долготерпение и обличение, ярость и милость необходимы во исполнение божественных законов и спасения человека.

Расширение, а не сокращение повествования — характерная примета творческой лаборатории Даниила, от первоначального краткого изложения к развернутому тексту — таков вектор развития сюжета проповеднического слова. Митрополит использовал два приема в работе над своими трудами: создание редакции/варианта текста или составление нового сочинения, продолжающего тему, причем второй способ был для него более предпочтителен. Складывание редакций наблюдаем в истории Окружного послания митрополита Даниила (РГБ. Ф. 113. Собр. Иосифо-Волоцкого монастыря. № 522. Сер. XVI в. Л. 481–495 и № 514. 1563 г. Л. 413–425), что станет предметом другой статьи. Но чаще церковный публицист создавал еще один текст на заявленную им же тему. Примером служит сочетание двух посланий к одному адресату, следующих друг за другом в нашем эпистолярном своде. «Послание к нѣкоему епископу, понеже нѣдѣи человѣцы принесоша ему рѣчи на епископа, яко небрежно и лихоимствѣно житие иматъ, и сего ради скоро и вкратцѣ изложивъ, посылаетъ. Слово 2-е» представляет краткое наставление епископу, который «небрежно и лихоимствено житие иматъ». А следующее Слово 3 в этом же сборнике («Послание к тому же епископу. Яко святительскыи приемлющимъ санъ, много подобаетъ попечения имѣти о себѣ же и о пастырствѣ; и не от себе учити или от своего разума составлять что, но от свѣдѣтельства Божественныхъ Писаний») Даниил начинает с признания, что «послахъ вкратцѣ, любимиче мои, преже спѣшно послание, нынѣ же благодатию Христовою повторихъ на пользу твою и инѣхъ» (л. 11). Таким образом, Даниил сам засвидетельствовал свой принцип творческого труда. Вместе эти два сочинения представляют единое повествование. Писатель любил обращаться к одним и тем же темам, мотивам, сюжетам в Словах «Сборника», примером служат такие главы: «Не подобаетъ мужу от жены, ниже женѣ от мужа разлучатися, развѣ блудныя вины. Слово 14» и «По еуаггельскому словеси не подобаетъ мужу от жены и женѣ от мужа разлучатися, аще не блудныя вины, обычаи же о сих иная удержа. Слово 15». Повторение мотива в различных регистрах авторской речи (секвенция) — характерный признак стиля церковного публициста.

Еще целый ряд смысловых добавлений наблюдаем в Погод. 1149. Так, описывая поведение иноков на трапезе, Даниил напомнил о внимании к чтению священных слов (выделено курсивом): «На трапезе же не бесѣдовати, ни смѣятися, но съ безмолвиемъ внимати чтениемъ божественныхъ словесъ, и на чюжемъ мѣсте не садитися» (л. 3 об.). Советуя инокам приходиться на душеполезные беседы к игумену, он вспоминает и духовных старцев: «а от кѣльи въ кѣлью не преходити, развѣ иже къ игумену духовныхъ ради дѣль или къ духовнымъ старцемъ душевныя ради пользы» (л. 4). Даниил не упускал случая укорить иноков: «аще кого узрите или увѣдаете от кѣльи въ кѣлью ходяща на празнословие, и кощюны, и на смѣяние, а не на душевную пользу и спасение или на монастырѣ стояща...» (л. 4).

В конце послания, рассуждая о долге игумена, причинах выбора человеком иноческой

---

⁷ РГБ. Ф. 173/1. Фундаментальное собрание библиотеки Московской духовной академии. № 197. 30-е годы XVI в. Л. 279.

жизни, Даниил добавляет: «Но тои (инок. — Л. Ж.) паче да почитаемъ бываетъ в васъ, егоже самъ игумень и пръвѣишая братиа изберут. Прочаа же вся в васъ да бывають по доброму и блаженнѣишему разсужению, всему бо свѣтъ есть разсужение, инъ бо вяще да почтенъ бывает, ин же среднее, ин же мнѣе, вси же въ смиренни и в любви духовнѣи да пребывают о Господи» (л. 8).

Таким образом, в Распространенной редакции первого Послания система положений о правилах монастырского общежития приобрела концептуальную завершенность.

Последнее сочинение авторского собрания — «Послание о духовном внимании, и трезвѣнии, и брежении. Слово четвертое на десять» — в полном виде представлено только в сборнике Погод. 1149⁸. В софийских списках после Послания 13 помещен небольшой текст, который визуальнo производит впечатление приписки: начало оформлено киноварным инициалом («Паки небрежение...»), содержит 15 строк л. 358 в Соф. 1281, в Соф. 1456 последний лист рукописи оборван, текст сильно поврежден. На самом деле он является заключительной частью Послания 14 (далее — Фрагмент), на что в свое время указал еще В. Жмакин [Жмакин, с. 714].

Тема четырнадцатого слова не нова, Даниил еще раз высказался о том, что человек должен оберегать себя от плотских страстей и притекать к духовной жизни. Это небольшое сочинение можно представить в виде трех риторических периодов (их выделил В. Жмакин в своей публикации): начало — собственно поучение с цитатами из Псалтыри и трудов Лествичника, заканчивающееся напоминанием: «Сего ради многажды глаголахъ ти и съвѣтовахъ съблюдати себе от всякаго небрежения, и невнимания, и злаго жития...» (л. 216 об.). Вторая часть лирична, это сетование (ламентация), именно здесь находится место стыка Фрагмента, который практически не имеет швов. Своеобразная анафора и мотив беспечности человеческой («небрежение») скрепляют части:

...И се нынѣ паки окаянное наше забвение, и лѣность, и злое наше невнимание, и небрежение...

И се скорбиши, и сѣтуеши, и плачеши, и слезы проливаеши,

И се яко от ума изъступивъ, и яко плѣнень, и изъумлень и неистовъ пребываеши. //

И се паки небрежение, и паки лѣность? (Паки небрежение... — Соф. 1281)

Доколе разслабленное житие?

Доколе бедное пребывание?

Доколе рискание страстное...?

Последняя часть Послания 14 — прямое обращение к адресату на тему женского обольщения: «Внялъ ли еси, о возлюбленный духовный мой брате, яко же прежде рекох и писахъ ти, еже долу имѣти очи и отлучатися от бесѣд женских и не взирати на жены, и на девици, и на доброзрачныхъ женовидныхъ юныхъ лицъ, и съводворения с ними, и бесѣдъ их» (л. 216 об.—217). Как видим, повествование Послания 14 не совсем гармонично, и В. Жмакин отметил: «Вообще в форме посланий Даниила находится немало спутанности, неопределенности, неупорядоченности» [Жмакин, с. 291]. Вопрос о женской красоте как источнике человеческого греха обсуждается проповедником Даниилом в Посланиях 10—13. Послание 14 могло занять свое место среди них, но его положение в конце собрания трудно объяснить.

Послание 13, самое объемное в сборнике (В. Жмакин считал его одним из неудачных сочинений Даниила), логично завершает эпистолярный кодекс. По сути оно представляет собой трактат по нравственному богословию, но обращение к адресату, некоему «благолюбивому», и

⁸ Послание опубликовано: [Жмакин, Приложение, с. 51—52].

авторская рефлексия указывают на эпистолярную форму повествования: «Понеже множицею от многа времени стужаеши моему окаанству и просиши мене, грѣшнаго и худаго инока Данила, написати и послати к тебѣ слово полезно къ благоугожению Божию» (л. 127 об.). В заключительной части этого сочинения писатель выражает надежду, что труд его будет полезен всем желающим спастись: «Сиа вся, о любимиче... иже по Бозѣ любви твоеи надѣяся написах... изложих тебѣ же, и себе, и инѣм, хотящим спастися иже во истиннѣм дѣянии...» (л. 215). Даниил всегда позиционировал свой труд как учительный дискурс: «събрах, богомудрии, на душевную ползу любви вашей», писал он в предисловии к «Соборнику». Адресация: «тебѣ же, и себе, и инѣм» — делает частное письмо открытым посланием.

Показательна концовка Послания 13. Она, безусловно, относится не столько к отдельному сочинению, сколько ко всему эпистолярному своду: «Сиа же вся собрана быша от Божественных Писаний от выше даже до здѣ, и кождо, убо плодя, ползу от коеяждо главизны обрящет и славу да възслетъ Господеви съ Отцем купно же и съ Святым и благым и животворящим Духом...» (л. 215 об.). Ссылка на Божественное Писание — традиционный элемент структуры Слов «Соборника» Даниила (она открывает текст каждого «Наказания», то есть третьей части Слов). Писать не от себя, а от Божественных Писаний — нравственно-эстетический принцип средневековых писателей. Выражая надежду о пользе каждой «главизны» своего труда, Даниил тем самым позиционирует последнюю фразу как финал всего повествования. Он закрыл свод посланий. Таков первоначальный замысел писателя. Присоединение «Послания о духовном внимании...» свидетельствует об открытии нового этапа его работы над эпистолярным наследием? Но оно разрушило архитектуру систематизированного собрания.

Последняя часть Послания 14 сопоставима с текстом «Послания о целомудренем и благоговѣнѣм житии» (Послание 12), где обнаруживаем тот же апеллятив («возлюбленные духовныи мои брате») и текстуальные совпадения: «отсечем и того самага видѣния лицѣ женских и отрочат юнныхъ, и нелѣпаго и началозлобнаго смѣшения с ними, и суетных душевредных бесѣдъ» (л. 126 об.). В Послании 13 «О целомудрии и о чистотѣ, и о хранении девства...» тема «невзирания» женских лиц тоже была одной из ключевых: «Сего ради преже всѣх подобаетъ нам бѣгати бесѣд женскихъ, ниже водворятися или бесѣдовати со юнными, ниже пригвождати очи к лицу» (л. 174). Поэтому напоминания автора в Послании 14: «якоже преже рекох и писахъ ти», «мы же тебѣ сия предвозвѣстихом множицею» — оправданы.

На единство Послания 14 с эпистолярным сводом указывает также текстологический анализ, который подтверждает полученные ранее результаты об отношениях двух вариантов 2—13-й глав собрания: софийские списки передали текст в несколько сокращенном первоначальном виде, Погод. 1149 сохранил выправленное и отредактированное сочинение. Например (вставки Погод. 1149 выделены курсивом): «Доколе *рисkanie страстное*, и шествование *прелестное лукаваго вѣка*, низъводящее въ адъ?» (л. 216 об.); «Аще ли *от бѣсовѣских сих сѣтеи* не потщишися хранити»; «От любви бо сердечныя *духовныя* к тебѣ сия глаголахъ и писахъ, да избавит насъ Господь Богъ от сѣтеи вражиих и жизни *вѣчнѣи* сподобит молитвами Преславныя Богородица» (л. 217). Таким образом, текстология последней главы сборника вписывается в общую историю развития авторского текста Даниила, и Послание 14, несомненно, является сочинением митрополита. Вполне вероятно, что Фрагмент мог быть некоей заготовкой в творческой лаборатории писателя, которую он использовал при составлении нового сочинения. Не исключена также возможность ошибки (утраты листов антиграфа) редактора или писцов сборника Соф. 1456, который, как мы помним, составлялся в спешном порядке.

История текста эпистолярного собрания церковного публициста намного интереснее и богаче по материалу, нежели текстология «Соборника», которая демонстрирует поразительную устойчивость рукописной традиции Слов. Изучение посланий позволяет видеть развитие

авторской интенции и этапы работы писателя. Отредактированные сочинения, безусловно, отражают последнюю «авторскую волю», поэтому они (Погод. 1149) должны быть положены в основу научного издания литературного наследия митрополита Даниила.

Приложение

Собрание посланий митрополита Даниила
РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 1149. 80-е годы XVI в.

1. Послание грѣшнаго и худаго инока Данила, милостию Божию митрополита всеа Русии, в Володимерь, въ обитель святого чудотворца Николы на Волосово, въ общии монастырь митрополии всеа Русии игумену Пафнутию и съ братиею о благочинии и крѣпости монастырьскаго устава. Слово 1. (*Нач.*: *Благословение грѣшнаго и худаго инока Данила...*). Л. 1–8.
2. Того же. Послание к нѣкому епископу, понеже нѣдѣи чловѣды принесоша ему рѣчи на епископа, яко небрежно и лихоимѣствено житие иматъ, и сего ради скоро и въкратцѣ изложивъ, посылаетъ. Слово 2. (*Нач.*: *Понеже убо, възлюбленнии и духовнии мои брате епископе, многаа и различнаа словеса приидоша къ мнѣ...*). Л. 8 об.–11.
3. Того же. Послание к тому же епископу, яко святительскіи приемлющимъ санъ много подабаеть попечения имѣти о себѣ же и о пастырствѣ, и не от себе учти или от своего разума составляти что, но от свѣдѣтельства Божественыхъ Писании. Слово 3. (*Нач.*: *Послах въкратцѣ, любимиче мои, преже спѣшно послание, нынѣ же благодатию Христовою повторих...*). Л. 11–15 об.
4. Того же. Послание наказателно и душеполезно, и яко житие сие прелестное, яко сонъ, мимо грядеть. Слово 4-е. (*Нач.*: *Понеже пучина азъ окаанныи есмь безмѣрныхъ прегрѣшени...*). Л. 15 об.–23.
5. О различии иноческаго жительства; и яко велми удобно къ спасению общее житие, аще по Бозѣ имѣють разумъ свои, тако же и пустынное житие; и яко творяи волю Божию на всякомъ мѣстѣ спасение обрящеть. Слово пятое. (*Нач.*: *Зане познаваю тя мятежлюбца и суемудрена паче...*). Л. 23–40 об.
6. О наказании, и яко еже прияхомъ от Бога и от святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ нашихъ церковная предания и законъ. Сице съдержати и вѣровати, и почитати подобаеть; и како от Бога научени святіи апостоли чловѣческое житие на двѣ жизни уставивша: на девъственное, сирѣчь на иноческое, и на супружное, и яко хотящему притещи во иноческое житие, преже искушати подобаеть, и яко лѣпо есть пришедшему къ законному браку съхранити цѣломудрие и чистоту, сирѣчь, кромѣ законныа его жены не смѣситися любодѣиством, понеже целомудрие и чистота многажды от смерти избавляетъ чловѣка. Слово 6. (*Нач.*: *Велми удивихся о вѣре и любви твои, еже не возгнушался еси...*). Л. 41–74.
7. Того же. О иноческомъ законѣ и правиле общаго жития въ святѣи обители Преславныа Богородицы во общемъ Иосифове монастыре, егда началство игуменства съдержа, и понудиша его старцы сия написати къ спасению душамъ от свѣдѣтельства Божественыхъ Писании. Слово седмое. (*Нач.*: *Братие моа духовная и отцы, велми удивляюся о семь...*). Л. 74–96 об.
8. Того же. Послание къ нѣкому, впадшу въ глубочайши ровъ безаконія; събрано от Божественыхъ Писании о страшнемъ Судѣ. Слово 8-е. (*Нач.*: *Възлюбленному и духовному моему брату, миръ о Христѣ! Понеже, възлюбленне, съвѣтовал еси...*). Л. 96 об.–110.
9. Того же. О наказании. Слово девятое. (*Нач.*: *Аще и многихъ золь исполнися душа моа...*). Л. 110–114 об.
10. Того же. Послание, яко душе вредно есть совокуплятися и бесѣдовати с женами и с мужи женовидными; и аще от которыхъ чловѣкъ приходитъ душевныи вред, сихъ подобаеть отвращати и отвращатися. Слово десятое. (*Нач.*: *Понеже, любимиче мои, множицею от многихъ слышахъ о*

напасти твоеи и плаках зѣло...). Л. 114 об.—120.

11. Того же. Послание о цѣломудрии и чистотѣ. Слово 11. (*Нач.*: Еже просиль еси от мене грѣшнаго и худаго инока Данила написати тебѣ...). Л. 120—124 об.

12. Того же. Послание о цѣломудренѣм и благоговѣнием житии. Слово 12. (*Нач.*: Подобаеть вѣдѣти, о боголюбче и челоуѣколюбче, яко по внешнему словеси и закону...). Л. 124 об.—126 об.

13. Того же. О цѣломудрии и чистотѣ, и о хранении девства; и яко непрестанно подобаеть поминати нам обѣщание наше яже на крещении и заповѣди Христовѣ и творити я; и яко многими скорбми подобаеть намъ внити въ Царство Небесное; и яко истиннии пастырие ни о чемъ же о иномъ печаются, точию еже научати люди къ спасению и уставы церковныя непоколеблемы съблюдати; и яко не подобаеть нам отчаятися от находящих ны страстей, но крѣпцы терпѣти, и молитися, и бѣгати от вредящих ны и мѣсть, и лицъ, и бесѣд, плотская мудръствующих; и желание имѣти о раи и о Царствии Небеснемъ, и поминати смерть, и страшныи Суд Спасовъ, и мучение безконечное, и плакаться грѣх своих. Благослови, отче. Слово 13. (*Нач.*: Понеже множицею от многа врѣмени стужаеши моему окаянству и просиши от мене грѣшнаго и худаго инока Данила написати и послати к тебѣ...). Л. 126 об.—215 об.

14. Того же. Послание о духовном внимании, и трезвѣнии, и брежении. Слово четвертое на десять. (*Нач.*: Много нам подобаеть имѣти духовнаго внимания и трезвѣния, и небрежения о спасении нашемъ...). Л. 215 об.—217.

Литература

Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984.

Буланин Д. М., Колесов В. В. Сильвестр (Спиридон), священник Благовещенского собора // СККДР. Л., 1989. Вып. 2. (вторая половина XIV—XVI вв.). Ч. 2. С. 323—333.

Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI-го века. СПб. 1909 // Отд. отт. из ЛЗАК. СПб., 1909. Т. 21. С. 36—114.

Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I (Древняя Русь). С. 587—617.

Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.

Журова Л. И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1.

Журова Л. И. Сильвестровский сборник посланий митрополита Даниила и «Соборник»: вопросы кодификации // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 29—38.

Курукин И. В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015.

Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII веков. Л., 1983.

Сапожникова О. С. Из истории Софийского сборника // Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в. Софийский сборник. М.; СПб., 2013. С. 26—43.

Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977.

Сиренов А. В. К истории формирования Сильвестровского сборника РНБ. Соф. 1281 // ТОДРА. СПб., 2016. Т. 64. С. 78—86.

Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.

